УДК 821.112.2
ББК 83.3(4Гем)6 +
83.8(4Гем)6

ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИСТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2018 г. А.В. Добряшкина

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 25 июня 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-52-65

Аннотация: В статье рассматривается роль детско-подростковой литературы Третьего рейха в процессе формирования нацистской идентичности. Третий рейх провозглашался «юношеским рейхом» (das jugendliche Reich), детство утрачивало свою значимость как самостоятельный феномен и растворялось в ключевом понятии нацистской эпохи — «юности». Юность, в свою очередь, имела не возрастной, а мировоззренческий смысл, означая особую жизненную позицию, придерживаться которой должны были все возрастные группы нацистского общества. Дети и подростки 10–18 лет становились носителями новых установок в строящемся государстве. Официальная детско-подростковая литература значительно расширяла свои границы: к ней причислялись произведения, написанные для взрослых, в том числе написанные до 1933 г. «Расширенные границы» подразумевали, таким образом, множественные случаи пересечения детской и взрослой литературы, взаимопроникновение и взаимодействующее сосуществование этих литератур в едином художественном процессе нацистского периода. Несмотря на то что индоктринация осуществлялась всей системой образования и воспитания и в этой многоступенчатой структуре литература не была единственным фактором формирования нового сознания, именно литература легитимировала отказ детей и подростков от следования личным интересам и оценивала их приобщение к пропагандируемой идеологической системе как процесс индивидуального развития.

Ключевые слова: немецкая литература, детско-подростковая литература, Третий рейх, Гитлерюгенд, нацизм, индоктринация.

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: annica@list.ru

Для цитирования: Добряшкина А.В. Детско-подростковая литература Третьего рейха как инструмент формирования нацистской идентичности // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 52–65. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-52-65

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

CHILDREN AND JUVENILE LITERATURE OF THE THIRD REICH AS AN INSTRUMENT OF NAZI IDENTITY FORMATION

© 2018. A.V. Dobryashkina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: July 25, 2017

Date of publication: June 25, 2018

Abstract: The article examines the role of children and juvenile literature of the Third Reich in the development of Nazi identity. In German culture of the 1930s, the image of childhood developed during the period of the Weimar Republic underwent dramatic changes. As the Third Reich was proclaimed “the Youth Reich” (das jugendliche Reich), childhood lost its autonomy and merged with “youth,” the key concept of the Nazi era. Youth, in turn, was more than age category; it implied a certain worldview, or a specific life position that all age groups of Nazi society had to adhere to. Children and adolescents aged 10-18 years old joined the Hitler Youth, the largest organization in the world, and became carriers of the new ideology. Literature for children and adolescents of the Third Reich significantly expanded its boundaries: now it included literary works written for adults, and also those written before 1933. “Expanded borders,” therefore, implied multiple cases of intersection between children and adult literature, interpenetration and coexistence of these literatures within the cultural ambience of the Nazi period. Despite the fact that the entire system of education and upbringing fostered indoctrination while literature was one but not the only one factor in the development of the new identity in this multilevel system, it was literature that legitimized children’s refusal to follow their personal interests and encouraged their engagement in the propagated ideological system.

Keywords: German literature, children and juvenile literature, the Third Reich, Hitler’s Youth, Nazism, indoctrination.

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: annica@list.ru

For citation: Dobryashkina A.V. Children and Juvenile Literature of the Third Reich as an Instrument of Nazi Identity Formation. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 2, pp. 52–65. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-52-65

Детство и отрочество того поколения немцев, которое оказалось на фронтах Второй мировой войны, пришлось на уникальный исторический период: Третий рейх был ядром нацистской метафизики, государственной, политической и духовной утопией. Укоренившийся в русском языке немецкий термин «рейх», имеющий в немецком языке двойное значение: «империя» и «царство», — не передает религиозного смысла и мистических аллюзий, изначально заложенных в понятие «das Dritte Reich». Освальд Шпенглер определял Третье царство как «германский идеал» [3, с. 660], как «таящее в себе каким-то образом некое исполнение сроков, некую кульминацию, цель, постижение которой каждый, начиная со схоластиков и до социалистов наших дней, приписывает только лишь себе» [3, с. 180]. В религиозном контексте «Третий рейх» понимался как «Тысячелетнее царство», которое связывалось с хилиастическими мечтаниями немцев о наступлении нового времени после череды тяжелых исторических испытаний.

В 1930-е гг. в немецкой культуре происходит кардинальное изменение образа детства, сформированного в период Веймарской республики. Детство, автономный детский мир утрачивали свою значимость как самостоятельный феномен и растворялись в ключевом понятии нацистской эпохи — «юности» (Jugend). Третий рейх провозглашался «юношеским рейхом» (das jugendliche Reich) [5], новой, помолодевшей Германией, что подразумевало омоложение взрослого населения, общее омоложение нации. Следствием этого процесса, однако, было искусственное повышение возрастного уровня для детей, и они, по сути, лишались детства. Юность имела мировоззренческий смысл, означая жизненную позицию, придерживаться которой должны были все возрастные группы нацистского обще-

ства. В популярном подростковом романе 1934 г. дух эпохи характеризовался двумя постулатами: «Надо быть юным в эти дни! Юным! Юным!» [11, S. 160] и «Это была другая война. Это была война мальчишек» [11, S. 175].

Официальная детско-подростковая литература Третьего рейха значительно расширяла свои границы: к ней причислялись произведения, написанные для взрослых, в том числе написанные до 1933 г. «Расширенные границы» подразумевали, таким образом, множественные случаи пересечения детской и взрослой литературы, взаимопроникновение и взаимодействие сосуществование этих литератур в едином художественном процессе нацистского периода.

Дети и подростки 10–18 лет, объединенные в крупнейшую в мире организацию Гитлерюгенд, становились носителями новых ценностей в строящемся государстве. «Служение» Германии в рядах Гитлерюгенд, включавшее идеи жертвенности, подготовку детского сознания к смерти за фюрера, наполняло собой повседневную жизнь подрастающего поколения. Все годы диктатуры детей сопровождали псевдорелигиозные ритуалы, погружавшие подавляющее большинство в состояние пьянящей эйфории: ритуал вступления в Гитлерюгенд в зале готического замка, стотысячные шествия детей в униформах, факельные феерии, массовое вскидывание рук в римском приветствии; к этому добавлялись непрерывные изнурительные тренировки и походы с песнями и лозунгами о чести и товариществе.

Исследователь Винфред Камински, прослеживая превращение произведений для детей в инструмент индоктринации, в «средство политического обмана» [14, S. 13] подрастающего поколения, называет три этапа взаимодействия литературы и воспитания в Третьем рейхе: перенос народного элемента в политическое воспитание, «конец гуманитарного образования» и формирование характера, «цель которого — ликвидация личности» [9, S. 284]. Нацистская индоктринация начиналась в раннем возрасте. Книжки, театр, песни и школа в разной степени влияли на процесс становления детской личности в духе национал-социализма. Уже в учебниках младших классов мир представлял изначально нацистским: светлым и радостным, наполненным здоровыми белокурами детьми. Красочные иллюстрации детально отражали реалии рейха: портреты фюрера вместо кайзера, свастику, поднятые для приветствия руки, униформу, знамена, барабаны. Короткие тексты обязательно содержали формулу приветствия «Хайль Гитлер!», кон-

центрировали внимание на выдержке марширующих мальчиков и назывались соответствующие: «Солдаты в деревне» или «Гитлер приезжает». «Кто не жил в эти годы, — пишет автор книги «Коричневый культ» Х.-Й. Гамм, — тот не может представить себе выкрикиваемое приветствие “хайль”. Оно снисходило на всех и вся как облако. При этом в каждом “хайль” содержалось религиозное воззвание. “Хайль” существует только в связи с Богом, со святостью¹. Если “хайль” закреплялся национал-социализмом исключительно с именем одного человека, это означало, что структура бытия переосмыслялась. Бог-Творец устранился со своего престола, а человек Адольф Гитлер занимал его место. Так дело дошло до молитв не только за фюрера, но и *самому* фюреру» [7, S. 162]. В «Немецкой книге для чтения в народных школах» для детей второго года обучения встречаются распространенные также в других изданиях и в разных вариантах стихотворные «молитвы», переворачивающие представления о божестве:

Führ unser Volk aus aller Not,
 schenk jedem Haus sein täglich Brot
 und gib, daß ich, wie's sonst auch geh',
 stets fest zu dir und Deutschland steh!
 (Paul Kaestner. «Gebet») [6, S. 148]

Изведи наш народ из всякой нужды,
 дай каждому дому хлеб его насущный
 и дай мне, чтобы ни случилось,
 всегда быть верным тебе и Германии!
 (Пауль Кестнер. «Молитва»)

Нацистское мировоззрение навязывало школьникам по мере их взросления все больше религиозной тематики, и «опыт борьбы вместе с товарищами» становился, как выражался рейхсюгендфюрер Бальдур фон Ширах, «не только политическим, но и религиозным опытом» [10, S. 95]. Эрика Манн, находившаяся в это время со всем семейством в эмиграции, реагировала на сакрализацию фюрера и его движения резко: «почти все, что выходит из их уст, — это безумие <...>. Суть этого метода в том, чтобы основательно снабдить немецкую молодежь мудрыми сентенциями, нацистскими сентенциями, касающимися веры. <...> И намеренно происходит во всех этих высказываниях сбивающее с толку смешение религиозного и национал-социалистического, никто не должен знать, где еще религия, а где уже национализм» [10, S. 100].

1 heilig — святой (нем.).

Доминирующим литературным жанром и действительно уникальным явлением Третьего рейха были песни. Эта уникальность заключалась в том, что песни при всей их популярности и доступности несли глубинные сакральные смыслы нацистского мироощущения, «в конечном итоге сами были национализмом. <...> Поэтому зловещий дух национализма нигде не проявляет себя так наглядно, как в его песнях» [7, S. 15]. Песни с их благозвучными, легко запоминавшимися мелодиями составляли credo нового немца.

Песенники обычно отражали структуру «гитлеровского года» (Hitlerjahr): 30 января — день немецкой революции, 20 апреля — день рождения фюрера, 1 мая — день национального труда, 21 июня — день молодежи и летнего солнцестояния, 1 октября — день урожая, 9 ноября — день борцов, 21 декабря — день зимнего солнцестояния и праздник йоль (Julfest). «Современникам было понятно, — комментирует «гитлеровский год» исследователь Г. Кноп, — что череда нацистских праздников противопоставлялась праздникам церковным. Псевдорелигиозная форма и суть нацистского движения должна была подменить основы христианской веры» [2, с. 91].

Песенный репертуар детей и подростков Гитлерюгенд начинался с гимна НСДАП, известного как «Песня Хорста Весселя» (Horst-Wessel-Lied, 1927). Это был официальный второй государственный гимн, который исполнялся торжественно, при вскинутой вверх руке.

Die Fahne hoch! Die Reihen dicht geschlossen!	Поднимем знамя! Сомкнем ряды плотнее!
S.A. marschiert mit ruhig festem Schritt.	С.А. идет спокойным твердым шагом.
Kameraden, die Rotfront und Reaktion erschossen,	Души товарищей, застреленных Ротфронтом и реакцией,
marschieren im Geist in unseren Reihen mit.	маршируют с нами в наших рядах.
[13, S. 20]	

Равенство под знаком свастики живых и «застреленных» — это одна из доминант религиозного мироощущения национал-социализма. Весьма любопытен в этой связи подход к рассмотрению Третьего рейха его современником, французским мифологом Жоржем Дюмезилем. Дюмезиль связывает специфику нацистской культуры, милитаризованного

«юношеского рейха», с германской мифологией, к которой обращается Третий рейх и центральной фигурой которой был бог войны и смерти Один. «В Германии, — цитирует Дюмезиля Карло Гинзбург, — <...> “прекрасные легенды” германцев были не только заново введены в широкий обиход, но и заново обрели статус мифа: они вновь стали мифом в точном смысле слова, поскольку они оправдывают, поддерживают, вызывают индивидуальное и коллективное поведение, имеющее все признаки сакральности» [1, с. 245]. Следуя логике Дюмезиля, штурмовики и состоявшие в рядах Гитлерюгенд дети и подростки, «молодежь» новой Германии, — это преемники берсерков (Berserker), свирепых юных воинов (людей-волков или людей-медведей), которые составляли воинство мертвецов (Totenheer) и в окружении которых Один отправлялся на неистовую, уничтожающую всех и вся «дикую охоту» (wilde Jagd). Действительно, нацистские песни изобилуют и примерами сопровождения живых «воинством мертвецов», и примерами культивируемой воинственности в стилистике «дикой охоты».

Култ Гитлера, созданный в подростковой среде почти единолично руководителем имперской молодежи Бальдуром фон Ширахом, существовал в неразрывной связи с культом смерти и формировал, по сути, религиозный догмат смерти за фюрера как пути к вечной жизни, в новое время и новую Германию. Образ фюрера словно сливался с образом мифического Одина, поскольку отношение бога войны и смерти к своим юным воинам было столь же амбивалентно, как и отношение Гитлера к молодежи нового рейха: с одной стороны, Один защищал героев своей магической силой, делая их непобедимыми, но с другой стороны, ему было важно направить их в Вальхаллу, в чертог смерти, к началу новой жизни. Песни связывали жизнь и смерть, юность и смерть, будущее и прошлое в тугой гордиев узел.

Песенные строфы и названия становились лозунгами: «Германия должна жить, даже если нам придется умереть» (Г. Лерш), «За будущее Германии мы пойдем на смерть» (Г. Хаммер), «Зная больше, чем смерть» (Б. фон Ширах) и проч. Показателен текст Г. Анакера «Многим придется пасть» (Heinrich Anacker, «Fallen müssen viele»), в котором легитимируется удобрение немецкой почвы телами и кровью ради новой Германии:

Fallen müssen viele und in Nacht

vergehn,

eh am letzten Ziele groß die Banner

wehn.

<...>

Euch, die nach uns kommen,

hämmern wir es ein:

was zum Glück soll frommen

muß erblutet sein! [8, S. 49]

Многим придется пасть и сгинуть

В НОЧИ,

прежде чем у конечной цели будут

ПОДНЯТЫ ЗНАМЕНА.

<...>

Вам, идущим за нами,

МЫ ВЧЕКАНИВАЕМ В СОЗНАНИЕ:

счастье должно достигаться

ценой крови.

Интересно обращение этой песни: «Вам, идущим за нами». При внимательном прочтении становится очевидно, что «мы» — это мертвые, «павшие», «сгинувшие в ночи», а «вы» — это еще живые, идущие вслед за мертвыми. Т. е. вся песня поется от лица «войска мертвецов».

Песни изобиливали сакральной символикой: знамена, барабаны, фанфары, антагонизм света и тьмы. Знамя было «символическим осто-
вом национального заклинательного ритуала» [8, S. 30]. Популярная песня
Бальдура фон Шираха «Вперед! Вперед!» («Vorwärts, vorwärts! Schmettern
die hellen Fanfaren»), написанная им для культового фильма «Гитлеровец
Квекс» по роману Карла А. Шенцингера, ясно показывает, что знамя сакра-
лизуется как проводник в новую жизнь, на полотнище со свастикой перено-
сится религиозная символика креста, ведущего в вечность:

Unsere Fahne flatter uns voran,

unsere Fahne ist die neue Zeit.

Und die Fahne führt uns in die Ewigkeit!

Ja! Die Fahne ist mehr als der Tod!

[I3, S. 2I-22]

Наше знамя веет перед нами,

наше знамя — это новое время.

И знамя ведет нас в вечность!

Да! Знамя — больше, чем смерть!

Главные христианские праздники, Рождество и Пасха, в «гитлеровском году» были заменены древнегерманскими — днями зимнего и летнего солнцеворота, праздником йоль и летним «днем молодежи». К числу наиболее любимых песен относилось сочинение Х. Баумана, подменявшее прежнее рождественское содержание:

Hohe Nacht der klaren Sterne,
die wie weite Brücken stehen
über einer tiefen Ferne,
drüber unsre Herzen gehen.

Высокая ночь ясных звезд,
висящих над глубокой далью
широкими мостами,
по которым идут наши сердца.

Hohe Nacht mit großen Feuern,
die auf allen Bergen sind.
Heut muss sich die Erd erneuern
wie ein junggeboren Kind.

Высокая ночь с большими кострами,
которые видны повсюду в горах.
Сегодня земля должна обновиться,
как новорожденный ребенок.

Mütter, euch sind alle Feuer,
alle Sterne aufgestellt.
Mütter, tief in euren Herzen
schlägt das Herz der weiten Welt.

Матери, для вас зажгли
все костры, все звезды.
Матери, в глубине вашего сердца
бьется сердце всего белого света.

[13, S. 124]

Текст песни вычерчивал тот образ рейха, который упорно закладывал в архитектуру Гитлер, — как увеличенное, расширенное, уходящее в далекий космос пространство, как знаменитый «световой собор»². Бауман, получивший основательное католическое воспитание, сохраняет каноническую трехчастную структуру церковного песнопения (радость обоих миров — ангельского и человеческого, Богомладенец, Богородица), но избавляется от религиозного смысла и делает акцент на омоложении Германии.

Помимо песен и рекомендованной для обязательного прочтения детьми и подростками литературы, существовали художественные бестселлеры, оказывавшие неоспоримое воздействие на формирование новой детской личности. С конца 1920-х гг. начала появляться принципиально новая подростковая литература с новыми романскими жанрами: «мученический роман» (Martyrer-Roman), «штурмовой роман» (SA-Roman), «роман обращения» (Bekehrungsroman). Образцовой книгой как до, так и после 1933 г.

2 «Световой собор» (Lichtdom) Альберта Шпеера, созданный с помощью световых лучей 152 военных прожекторов в ночном небе, демонстрировался массам на Дне партии в Нюрнберге (1936–1938). Радиус действия прожекторов достигал 12–15 км, создавая высокий купол над местом проведения партийного торжества, что придавало происходящему религиозный смысл.

считалось произведение Карла Алоиса Шенцингера (Karl Alois Schenzinger, 1886–1962) «Гитлеровец Квекс» («Der Hitlerjunge Quex», 1932), основанное на реальной истории подростка Герберта Норкуса и имеющее жанровые черты как «мученического романа», так и «романа обращения». «Гитлеровец Квекс» — пожалуй, самое популярное произведение детской культуры Третьего рейха, представленное романом и его экранизацией.

Пятнадцатилетний подросток Хайни Фёлькер, сын безработного коммуниста, страдающий от нищеты и голода, мечтает о порядке и достойной жизни. Присоединившись к коммунистической молодежной компании, Хайни едет за город на выходные и встречает мальчиков из Гитлерюгенд. Шенцингер представляет коммунистическую молодежь как сборище распущенных аморальных подростков, в среде которых процветает жестокость и воровство и рядом с которыми четко структурированный и дисциплинированный мир Гитлерюгенд кажется идеальным. Далее читатель становится свидетелем чуда. Хайни, близкий к самоубийству, бежит по лесу, пока не останавливается, неожиданно почувствовав необъяснимое спокойствие: «На небе было видно красное зарево. Разве было уже утро? Это не было восходящее солнце. <...> Это был костер!» [12, S. 43]. Хайни действует словно под влиянием древнего, внезапно заговорившего в нем инстинкта: «Он не мог понять своего чувства. Он принял это за тоску по дому. Это было приятно идти через ночь к свету» [12, S. 43]. Первое соприкосновение с нацизмом описывается Шенцингером как возвращение блудного немца в отчий дом (отсюда — возникшее чувство тоски по дому), как элемент сказочного сюжета (выход заблудившегося в лесу героя к костру сказочных существ); и даже само приближение к нацистскому пространству оказывается чудотворным — оно сопровождается наступлением тишины в лесу и покоя в душе Хайни. Шенцингер внушает читателю, что ощущение своей причастности к новому «движению» — это нечто архетипичное, врожденное, свойственное каждому немцу.

Страдания Хайни, примкнувшего к Гитлерюгенд, предваряет история юного Норкуса, обсуждаемая гитлеровцами. Мать Хайни, желая спасти его от гнева отца-коммуниста, пытается отравить себя и сына газом и умирает. Мальчик долго находится в больнице, не в силах пережить смерть матери. Эта несостоявшаяся смерть героя — типичная инициация, после которой начинается его возвращение в жизнь в другой ипостаси. Товарищ из Гитлер-

югенд объясняет Хайни мужественный поступок его матери, подводя подростка к осознанию того, что она умерла, чтобы мистически раствориться в новой жизни, что теперь ее должно заменить «движение», поскольку только оно стремится дать своим детям то, что стремилась дать Хайни его мать. И тогда «поток света ворвался в комнату» [12, S. 151], где лежал Хайни. С этого момента Хайни преображается, «движение» становится его страстью, символом жизни. Хайни участвует во всех ритуалах, воспринимая речевки как «слова молитвы» [12, S. 184]. Накануне знаменитого молодежного слета в Потсдаме, после ряда провокационных поступков, героя находят смертельно раненым и объявляют мучеником. Книга заканчивается описанием шествия красных знамен, «вспыхивающих при свете факелов, при свете солнца. Семьсот пятьдесят тысяч мальчиков проходят с одинаковыми знаменами, с одинаковой песней, с сияющими светлыми лицами мимо своего фюрера» [12, S. 256].

Книга была сразу успешно экранизирована. «Фильм о жертвенном духе немецкой молодежи» («Ein Film vom Opfergeist der deutschen Jugend»), так звучал подзаголовок созданной режиссером Хансом Штайнхофом ленты, оказался более популярным, чем книга. Примечательно, что возраст Квекса в фильме ощутимо контрастирует с окружающими его подростками из Гитлерюгенд, не говоря уже о совершенно взрослых представителях «молодежной» коммунистической организации. По сути, в фильме происходит ритуальное убийство взрослыми (т. е. представителями и оппозиционной нацизму партии, и старого мира в принципе) ребенка, который, не совершая, в отличие от книжного героя, никаких провокационных поступков, лишь руководствуется своими детскими представлениями о справедливости и порядочности. В этом смысле смерть подростка — это неотъемлемая составляющая «юношеского рейха».

Пример открытого обращения к теме сакрализации нацизма, его трактовки как религиозного преемника католицизма — еще одно эпохальное произведение Шенцингера, роман «Герготсбахский школьный марш» («Der Herrgottsbacher Schülermarsch», 1934) о присоединении к Гитлерюгенд католических молодежных организаций. Обожествление фюрера происходит в романе через обожествление авиации. Фраза: «Пусть каждый немецкий мальчик станет летчиком. Этого хочет фюрер» [11, S. 271], — имеет почти библейское звучание, возникающее и благодаря общей словесной

формуле «да будет», и благодаря волеизъявлению нового божества. По слову фюрера каждый мальчик должен был стать не просто воином, а воином парящим, будто несомым мифической Валькирией в мифический германский рай — Вальхаллу. Из-за восхищения авиацией как реальным чудотворением мальчики из католической юношеской организации решительно присоединяются к Гитлерюгенд.

Структура романа имитирует течение церковного года: части, названные «Адвент», «Страсти Христовы», «Вознесение», — прямо указывают на заимствование религиозного словаря для описания истории и сущности нацистского «движения». Оно «приближается», как Рождество; его первые участники — почти всегда «мученики»; наконец, «вознесение» имеет реальный, буквальный смысл: покорение новым немцем и освоенной им новой техникой воздушного пространства.

Несмотря на то, что индоктринация осуществлялась всей системой образования и воспитания и в этой многоступенчатой структуре литература не была единственным фактором формирования нового сознания, именно литература легитимировала отказ детей и подростков от следования личным интересам и оценивала их приобщение к пропагандируемой идеологической системе как процесс индивидуального развития.

Список литературы

- 1 *Гинзбург К.* Германская мифология и нацизм. Об одной старой книге Жоржа Дюмезиля // *Гинзбург К.* Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история. М.: Новое изд-во, 2004. С. 243–273.
- 2 *Кнопф Г.* «Дети» Гитлера. М.: Олма-Пресс, 2004. 285 с.
- 3 *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М.: ЭКСМО, 2009. 797 с.
- 4 *Baumann H.* Es zittern die morschen Knochen, 1936 // *Loewy E.* Literatur unterm Hakenkreuz. Das Dritte Reich und seine Dichtung. Dokumentation. Frankfurt a. M.: Hain Verl., 1990. 328 S.
- 5 *Beumelburg W.* Das jugendliche Reich: Reden und Aufsätze zur Zeitwende. Oldenburg: Gerharg Stalling, 1933. 64 S.
- 6 *Deutsches Lesebuch für Volksschulen 2. Schuljahr.* Berlin: Deutscher Schulverl., 1943. 248 S.
- 7 *Gamm H.-J.* Der braune Kult. Das Dritte Reich und seine Ersatzreligion. Hamburg: Rütten & Loening, 1962. 220 S.
- 8 *Heyer G.W.* Die Fahne ist mehr als der Tod. Lieder der Nazizeit. München: W. Heyne, 1981. 160 S.
- 9 *Kaminski W.* Exil und innere Emigration // Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur / R. Wild. Stuttgart: J.B. Metzler, 1990. S. 285–327.
- 10 *Mann E.* Zehn Millionen Kinder. Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich. Berlin: Neues Leben, 1988. 204 S.
- 11 *Schenzinger K.A.* Der Herrgottsbacher Schülermarsch. Berlin: Zeitgeschichte, 1934. 327 S.
- 12 *Schenzinger K.A.* Der Hitlerjunge Quex. Berlin: Zeitgeschichte, 1935. 256 S.
- 13 *Unser Liederbuch.* Lieder der Hitler-Jugend. München: Zentralverl. der NSDAP, 1939. 280 S.
- 14 *Wilke G.* Die Kinder- und Jugendliteratur des Nationalsozialismus als Instrument ideologischer Beeinflussung. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2005. 185 S.

References

- 1 Ginzburg K. Germanskaia mifologija i natsizm. Ob odnoi staroi knige Zhorzha Diumezilia [Germanic mythology and nazism. Reflections on one old book by Georges Dumézil]. *Ginzburg K. Mify – emblemy – primety. Morfologija i istorija* [Myths, emblems, clues. Morphology and history]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, pp. 243–273. (In Russ.)
- 2 Knopp G. *“Deti” Gitlera* [Hitler's children]. Moscow, Olma-Press Publ., 2004. 285 p. (In Russ.)
- 3 Shpengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoi istorii. Gestalt't i deistvitel'nost'* [The Decline of the West: Outlines of the morphology of world history. Gestalt and reality]. Moscow, EKSMO Publ., 2009. 797 p. (In Russ.)
- 4 Baumann H. Es zittern die morschen Knochen, 1936. Loewy E. *Literatur unterm Hakenkreuz. Das Dritte Reich und seine Dichtung. Dokumentation*. Frankfurt a. M., Hain Verl., 1990. 328 S. (In German)
- 5 Beumelburg W. *Das jugendliche Reich: Reden und Aufsätze zur Zeitwende*. Oldenburg, Gerharg Stalling, 1933. 64 S. (In German)
- 6 *Deutsches Lesebuch für Volksschulen 2. Schuljahr*. Berlin, Deutscher Schulverl., 1943. 248 S. (In German)
- 7 Gamm H.-J. *Der braune Kult. Das Dritte Reich und seine Ersatzreligion*. Hamburg, Rütten & Loening, 1962. 220 S. (In German)
- 8 Heyer G.W. *Die Fahne ist mehr als der Tod. Lieder der Nazizeit*. München, W. Heyne, 1981. 160 S. (In German)
- 9 Kaminski W. Exil und innere Emigration. *Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur*, R. Wild. Stuttgart, J.B. Metzler, 1990. S. 285–327. (In German)
- 10 Mann E. *Zehn Millionen Kinder. Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich*. Berlin, Neues Leben, 1988. 204 S. (In German)
- 11 Schenzinger K.A. *Der Herrgottsbacher Schülermarsch*. Berlin, Zeitgeschichte, 1934. 327 S. (In German)
- 12 Schenzinger K.A. *Der Hitlerjunge Quex*. Berlin, Zeitgeschichte, 1935. 256 S. (In German)
- 13 *Unser Liederbuch. Lieder der Hitler-Jugend*. München, Zentralverl. der NSDAP, 1939. 280 S. (In German)
- 14 Wilke G. *Die Kinder- und Jugendliteratur des Nationalsozialismus als Instrument ideologischer Beeinflussung*. Frankfurt a. M., Peter Lang, 2005. 185 S. (In German)